

ЦИТАТЫ И АЛЛЮЗИИ В “МЕМУАРАХ” БЮССИ-РАБЮТЕНА

© 2018 г. С. Ю. Павлова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Россия, 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
pavlovasy@info.sgu.ru

Дата поступления материала в редакцию 20 апреля 2017 г.

CITATIONS AND ALLUSIONS IN BUSSY-RABUTIN'S “MÉMOIRES”

© 2018 Svetlana Yu. Pavlova

Candidate of Philology, Associate Professor of Russian and Foreign Literature Department, National Research Saratov State University named after N.G. Tchernyshevsky, 83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia
pavlovasy@info.sgu.ru

Received by Editor on April 20, 2017.

В статье рассматриваются функции цитат и аллюзий в “Мемуарах” графа Бюсси-Рабютена, одного из ярких представителей французской придворной среды и литературы второй половины XVII века. Выявляются отсылки к античным, средневековым и современным автору источникам, позволяющие очертить круг значимых для него произведений и сделать вывод о влиянии на его творчество разнообразных художественных тенденций, главным образом, классицистического театра, галантной и бурлескной поэзии и прозы.

The article studies the functions of citations and allusions in “Memoirs” by Comte Bussy-Rabutin, a prominent courtier and writer of the second half of the 17th century. The sources of allusions are traced to ancient, medieval and contemporary literature, thus revealing Bussy-Rabutin's taste in literature and preferences. The paper has an inference that among various literary trends, which influenced his work, the most important were the contemporary French classical drama, the gallant and burlesque poetry and prose.

Ключевые слова: французские мемуары XVII в., Бюсси-Рабютен, цитаты и аллюзии, античная традиция, классицистический театр, сказка, галантная и бурлескная литература.

Key words: XVII-th century French memoirs, Bussy-Rabutin, citations and allusions, ancient tradition, French classical drama, fairy tales, gallant and burlesque literature.

“Мемуары” Роже де Рабютена, графа де Бюсси (1618–1693), занимают достойное место во французской мемуаристике эпохи Людовика XIV. Они “без сомнения, включают его в число мемуаристов, заслуживающих внимания. Их историческая и литературная значимость очевидна для читателей. Ни одно серьезное исследование о двух последних третях XVII века, особенно посвященное войне и галантности, не может не принимать их в расчет” [1, р. 24]. “Мемуары” (1696) дополнили список знаменитых литературных сочинений Бюсси, таких как сборник стихотворных афоризмов “Максимы любви” (1663) и сатирический роман “Любовная история галлов” (1665).

Если первое произведение позволило считать графа “показательным образцом галантного человека” [2, р. 205] и “стало залогом его принятия во Французскую академию” [3, с. 239], то второе превратило в одного из знаменитых “несчастливцев минувших эпох” [4, р. 3], чье перо “шокирует и возмущает не только тех, о ком пишет автор, но и тех, кто мог бы стать героями его произведения” [5, с. 41].

История драматической жизни Бюсси отразилась в “Мемуарах”, охватывающих период с момента его рождения до ссылки из Парижа в 1666 году. Он начал работать над ними во

время тринадцатимесячного заточения в Бастилии с апреля 1665 по май 1666 года, в последующие пять лет вынужденного пребывания в своем бургундском замке закончил книгу, но, как доказывает французский исследователь Д.-А. Венсан, вносил в нее дополнения вплоть до 1680 года [1, р. 11]. Согласно завещанию графа, “Мемуары” (“*Les Mémoires de messire Roger de Rabutin comte de Bussy*” [6]) впервые были изданы после его смерти детьми, исключившими, однако, из текста наиболее полемические фрагменты. Только в 1857 году издатель Людовик Лалан опубликовал полный текст “Мемуаров” (“*Mémoires de Roger de Rabutin, comte de Bussy*” [7])¹, который и будет использоваться в статье.

В ряду других образцов мемуарного жанра второй половины XVII века, повествующих о не менее удивительных судьбах таких ярких представителей эпохи, как, например, кардинал де Рец, Мадемуазель, герцог де Ларошфуко, отличительной особенностью “Мемуаров” Бюсси является их наполненность литературными аллюзиями и цитатами. Комплексное рассмотрение их функций, пока не становившееся предметом специального внимания литературоведов, является целью настоящего исследования.

Мемуарист предстает знатоком античной и современной литературы, который с легкостью подкрепляет свои мысли соответствующими отсылками явного или скрытого характера. Умение свободно ориентироваться в мире изящной словесности свидетельствует о его природных способностях и достойном уровне приобретенных знаний. Повествование о ранних годах жизни графа включает небольшой фрагмент, посвященный его образованию. В девять лет он был принят в иезуитский коллеж д’Отен и обнаружил там склонность к учебе, радовавшую наставников (I, 5), а затем продолжил занятия в знаменитом Клермонском коллеже Парижа, где также преподавали иезуиты. Свои успехи мемуарист констатирует так: “...я поступил во второй класс, когда мне не было еще двенадцати лет, и был настолько хорош в гуманитарных науках, что в тринадцать меня сочли достаточно сильным, чтобы я перешел оттуда в класс философии, минуя риторику” (I, 6). Как следует из дальнейшего, курс логики Бюсси тоже успел окончить, прежде чем посвятить себя военному делу. Его систематические занятия продлились около семи-восьми лет с некоторыми перерывами и завершились к шестнадцати годам. Этого оказалось достаточно, чтобы

сформировать прочный гуманитарный фундамент, который впоследствии он поддерживал сам чтением разнообразной литературы, что подтверждается упоминанием о приобретении книг для его личной библиотеки и нужд друзей (II, 275). Ф. Мертенс отмечает, что еще до создания мемуаров литературная эрудиция Бюсси проявилась в глубоком, в том числе переводческом, интересе к римским авторам (Овидию, Вергилию, Горацию, Катутлу, Марциалу, Тибуллу, Проперцию, Петронию), в знании средневековых хроник, переводе писем Элоизы и Абеляра, в хорошем знакомстве с современной литературой, в том числе романной [8, р. 26–28]. Современники, включая недоброжелателей (Менажа, Сент-Эвремона, Бейля), положительно отзывались о блестящем уме Бюсси [9, р. XXVIII]. Одна из показательных оценок принадлежит Рене Рапену: “Я знаю <...> от тех, кто имеет честь быть с вами знакомым, что вы более сведущи в античности, чем большинство знатных людей, и что вы очень учены” (цит. по: [8, р. 27]).

Погруженность в литературный контекст – исторический и современный, любовь к словесности, галантный образ мыслей закономерно подтолкнули Бюсси к творчеству и позволили создать замечательные художественные произведения в поэзии и прозе. В “Мемуарах” также обнаруживается его стилистическое мастерство, умение разработать интригу, построить повествование, но своеобразие творчества Бюсси ярко проявляется и на уровне аллюзий.

Первый ряд отсылок связан с античной литературой, а точнее говоря, с древнеримскими авторами. Предпочтение римской традиции греческой можно объяснить обучением графа в иезуитских коллежах, где система образования строилась на изучении латинских источников. Все отсылки к ним приводятся на языке оригинала. Именно так появляется первая в тексте цитата, взятая из оды Горация (кн. 3, ода 2): “Военным долгом призванный, юноша / Готов да будет к тяжким лишениям” (I, 21) [10, с. 128]. Апеллируя к древнеримскому поэту, мемуарист подкрепляет высоким авторитетом свои рассуждения о жизненных трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться в юные годы и таким образом закалить свой характер. Отсылка к Горацию позволяет завершить автобиографический фрагмент о трудном начале военной службы дидактическим выводом общающего характера: “Необходимо, чтобы молодые люди показали себя приученными к войне через нужду и страдания” (I, 21).

¹В статье текст цитируется по этому изданию с указанием номера тома и страницы.

К ситуации войны имеет отношение и следующая латинская цитата, почерпнутая на этот раз из поэмы Вергилия “Энеида”. Она возникает как авторский комментарий к поведению принца де Конде, который, будучи глубоко опечаленным смертью своего родственника и друга герцога де Шатийона, тем не менее в тот же вечер отправился кутить и веселиться. Мемуарист вполне оправдывает его поведение, утверждая, что “недостойно генерала армии появляться печальным и сраженным” (I, 182). Эту мысль он подкрепляет словами вергилиевой Анны, обращенными к Дидоне, укоряющей себя за любовь к Энею, вспыхнувшую вопреки желанию сохранить верность умершему мужу (кн. IV, ст. 34): “Мнишь ты, что помнят о том погребенных маны за гробом?” (I, 182) [11, с. 181]. Цитата позволяет добавить важный смысловой нюанс к суждению мемуариста: показать бессмысленность терзаний, неспособных изменить судьбу усопших. По мнению Д. Венсана, непосредственным источником для Бюсси мог стать другой римский автор – Петроний, цитирующий, в свою очередь, Вергилия. Речь идет о вставной новелле о матроне Эфесской из романа “Сатирикон”, где служанка, желая успокоить овдовевшую госпожу и призвать ее прекратить рыдания, произносит: “Мнишь ли, что слышат тебя усопших тени и пепел?” [12, с. 177]. Исследователь обращает внимание на ошибку в цитате Бюсси (“*Id cinerem aut manes credis curare sepultos*”), когда он употребляет глагол “*curare*” (“заботиться”, “интересоваться”) вместо оригинального “*sentire*” (“чувствовать”) и дает вольный перевод строки следующим образом: “*Croyez-vous que les morts soient touchés de nos larmes*” (“Верите ли вы, что мертвые будут тронуты нашими слезами?” [13, р. 347]). Комментарии Д. Венсана позволяют полнее представить круг значимых для Бюсси римских авторов и особое место Вергилия в литературе Франции XVII века.

О том, что для мемуариста “Энеида” имела большое значение, говорит еще одна цитата из поэмы. Она используется для характеристики действий Бюсси по отношению к королевскому прокурору, позволившему себе дерзкие высказывания в его адрес. Этот человек, испугавшись, что граф воспользуется королевским приказом о его аресте, прекратил свои нападки, проявил должное уважение и заверил в своей готовности подчиняться. Такой поворот заставил Бюсси изменить первоначальные намерения: забыть прошлые обиды и не использовать предоставленные ему полномочия в отношении прокурора. Мемуарист завершает эпизод строкой из Вергилия, передающей смысл его поступка (кн. VI, ст. 853):

“Милость покорным являть и смирять войною надменных!” (I, 238) [11, с. 240]. Слова Анхиза, обращенные к его сыну Энею, иллюстрируют примененную Бюсси тактику поведения, в основе которой лежит идея прощения тех, кто признал вину и покаялся.

В мемуарах цитаты из сочинений римских поэтов присутствуют не только в авторских комментариях к повествованию, но и в письмах его друзей. Так, принц де Конти, сообщая Бюсси о тщетных попытках вкатить на гору пушку в период Каталонской военной кампании 1654 года, констатирует: “Словом, если позволено процитировать Овидия: *Non est mortale quod optas*” (I, 374). Латинская цитата отсылает к известному сюжету “Метаморфоз” Овидия, посвященному Фаэтону. Корреспондент Бюсси использует вторую часть фразы, в которой Феб, в ответ на просьбу Фаэтона управлять отцовской колесницей, произносит (кн. 2, ст. 56): “Смертного рок у тебя, а *желанье твое не для смертных*”² [14, с. 122]. Принц де Конти находит у античного автора емкую формулировку, позволяющую объяснить бессмысленность описываемых им маневров. Функция цитаты в данном случае заключается в обобщении и авторитетном подкреплении своего суждения. С этой же целью, как было показано выше, цитаты использует и сам мемуарист.

Отсылки к античным авторам встречаются в письмах к Бюсси еще дважды. Примечательно, что их авторами были женщины – госпожа де Севинье и Мадемуазель. Обе упоминают Цицерона. В письме Мадемуазель от 11 февраля 1663 года имя римского философа возникает в связи с принцем Дании, красноречие которого она сравнивает с цicerоновским (II, 138). Письмо позволяет увидеть, что автором и адресатом имя Цицерона воспринималось как удобный маркер для указания на определенный стиль речи и позволило выразить иронию по отношению к обсуждаемому лицу. В письме госпожи де Севинье от 25 ноября 1655 года сопоставительная параллель возникает уже с самим Бюсси. Кузина графа сравнивает его манеру письма с цicerоновской и утверждает, что он, “словно маленький Цицерон”, полагает, будто ему “дозволено смеяться над людьми” (I, 454). Это сравнение весьма точно подчеркивает иронико-сатирический талант Бюсси, проявившийся в его стихах и романе “Любовная история галлов”.

Образчики поэтического творчества графа, приведенные в мемуарах, позволяют составить об

²Курсивом выделена цитата – С.П.

этом представлении. Но в свете рассматриваемой темы важно отметить другой поэтический текст: вольный перевод-интерпретацию XIX элегии второй книги “Любовных элегий” Овидия (II, 206–208), включенный в мемуарное повествование. Он помогает Бюсси, к тому моменту уже зрелому человеку, осмыслить свое положение любовника маркизы де Монгла. Творчество римского поэта не впервые становится для него своего рода терапией от любовных мук. Мемуарист сообщает, что еще в молодые годы, после того, как был отвергнут одной дамой, обратился к чтению Овидия и нашел утешение в его “Лекарствах от любви” (I, 98). Примечательно, что в наследии Бюсси есть произведение, написанное предположительно в 1668 году и прямо ориентированное на эту поэму. Оно так и называется “Лекарства от любви” и имеет подзаголовок “Подражание Овидию” (“Remèdes contre l’amour, imitation d’Ovide”).

На переключки в биографии и творчестве Бюсси и Овидия обращали внимание уже современники мемуариста. Французский священник-иезуит, историк и писатель Доминик Буур (Dominique Bouhours, 1628–1702) в “Искусных мыслях о Древних и Новых” (“Pensées ingénieuses des anciens et des modernes”, 1689) проводит соответствующие параллели. Поводом для сопоставления становится схожая судьба “несчастливых минувших эпох”, оказавшихся в изгнании из-за своих сочинений (“Науки любви” в случае с Овидием и “Любовной истории галлов” – с Бюсси) и взывавших к государю о милости. Как отмечает М.-К. Шатлен, автор книги, соотнося “Скорбные элегии” и “Послания с Понта” с письмами Бюсси к королю, подчеркивает их общую возвышенно-элегическую тональность, которая создается за счет сердечности, мягкости, естественности стиля – всего того, что отвечало представлениям о галантной эстетике [15, р. 21–22]. Добавим, что речь идет о гранях того ее идеального проявления, которое А. Вьяла назвал “прекрасной галантностью” [2, р. 31]. Особая элегическая интонация и искренность, столь ценная Домиником Бууром, чувствуется и в письмах Бюсси к королю, вошедших в мемуары. Они призваны тронуть сердце, а потому наполнены нотами грусти, искреннего сожаления, жалости, смирения, признательности (II, 269–270, 290, 294). Не случайно в переписке с отцом Бууром по поводу “Искусных мыслей...” граф указывает на мемуары как источник для будущих сопоставлений. Соглашаясь с ними, Бюсси “примиряется с положением автора”, но до конца ощущает себя представителем знати, всегда служившей королю с оружием в руках и относившейся с недоверием к любым

видам профессиональной деятельности, а потому стремится “воплотить светский идеал галантного человека, который, будучи далек от писательского педантизма, пишет только ради развлечения” [15, р. 23]. Хотя Овидий и Бюсси связываются в представлении Доминика Буура с галантным этосом, первый предстает прежде всего поэтом, а второй – достойным человеком, для которого письмо выступает “инструментом на службе экстралитературным намерениям и не является самоцелью” [15, р. 24]. В такой позиции автор трактата видит преимущество своего современника. В целом вводимая им параллель помогает Бюсси остаться в границах “прекрасной галантности” и противопоставить этот образ негативной репутации либертена, закрепившейся за ним после публикации “Любовной истории галлов”.

Помимо римской литературы, “Мемуары” Бюсси-Рабютена свидетельствуют о его знакомстве со сказочными и волшебными сюжетами. Первая аллюзия такого рода возникает в ходе повествования о любовнице графа, у которой был врожденный дефект строения половых органов. Мемуарист сравнивает женщину с Мелюзиной, воображая, что “феи прокляли ее при рождении” (I, 58). Во Франции образ легендарной волшебницы с телом женщины-змеи получил широкое распространение благодаря литературной обработке в прозаическом романе Жана д’Арраса “Мелюзина, или Благородная история герцогов Лузиньянов” (1393), которому “суждена была долгая, не прекращающаяся в течение XV–XVII веков, история широкой популярности на территории, где господствовал французский язык” [16, с. 265]. Мемуары подтверждают этот факт и позволяют причислить Бюсси к знатокам сюжета.

Отсылка к волшебным мотивам встречается в тексте еще раз. Описывая свое пребывание в доме графини де Бюссе, ставшей предметом его увлечения в 1640–1641 годах, мемуарист рассказывает о небольшом приключении, антураж которого воспринял как сказочный. Однажды поздним вечером полог его кровати приоткрылся, и он увидел шестерых незнакомок, державших в руках факелы и блюда, наполненные яствами. “В этот момент я вспомнил о сказках, которые рассказывают детям, – пишет граф, – об угощениях, сервированных, подобно этому, незнакомыми людьми, а затем руки, головы, ноги и все остальные части тела, что выпадают из камина и превращаются в людей, которые, хорошо выпив и закусив, исчезают” (I, 76–77). Бюсси отсылает к популярному сказочному сюжету (по системе Аарне-Томпсона – № 362), известному по варианту братьев Гримм в “Сказке о том, кто ходил страху учиться”

(1812). Герой сказки во вторую ночь в заколдованном замке видит, как из трубы к его ногам вываливаются по половинке тела, превращаются в человека, затем падают мертвые ноги и головы, в полночь же все исчезает. В награду за избавление замка от нечистой силы король отдает храбрецу в жены свою дочь, которая все-таки заставляет его испытать чувство страха, вылив на спящего мужа ведро холодной воды с пескарями [17, с. 23, 26]. Воспоминание показывает, что этот сюжет в XVII веке бытовал на территории Франции. Мемуарист использует мотивы страха, падения из каминной трубы и ночного приключения с женщиной, однако, соединяя их в историю, заметно меняет акценты. Страшная нечисть превращается в очаровательных духов, возлюбленная в галантном дезабилье успокаивает страхи, и герой с удовольствием предается любовной игре. Эпизод воссоздается в галантном ключе, а сказочные образы, разбудившие фантазию Бюсси, придают его повествовательной манере легкую пикантность и непринужденность.

Третьим источником для отсылок и упоминаний становится современный Бюсси-Рабютену литературный контекст. По совокупности упоминаний самым мемуаристом и его корреспондентами на первом месте оказывается классик французской драматургии XVII века Пьер Корнель (Pierre Corneille, 1606–1684). Первая аллюзия возникает в письме графа к госпоже де Севинье от 15 февраля 1649 года по поводу их принадлежности к разным политическим лагерям на начальном этапе Фронды: «Я долго колебался, писать Вам или нет, не зная, стали ли Вы моим врагом или по-прежнему остаетесь моей доброй кузиной <...> Наконец, вспомнив, как Вы порицали Горация за то, что он сказал своему шурину, что не знает с ним более с момента объявления спора, я подумал, что публичная причина не помешает Вам читать мои письма...» (I, 180). Эти строки отсылают к трагедии Корнеля «Гораций» (1640), главный герой которой после объявления участников поединка между враждующими городами обращается к своему сопернику Куриацию с такими словами (д. II, явл. 3):

Супруг твоей сестры, ее сразу я брата,
Но гордой радостью душа моя объята.
Закончим разговор бесцельный и пустой:
Избранник Альбы, ты — отныне мне чужой [18, с. 328].

Аллюзия показывает, что в героической трагедии Корнеля позиция Горация служила образцом беспрекословного подчинения общественному долгу вопреки личным чувствам, но Бюсси

и его корреспондентка, продолжавшие общение, несмотря на политические разногласия, были склонны к более мягким, компромиссным вариантам поведения, предполагавшим верность родственным и дружеским привязанностям. Последние, однако, не расходились с высоким пониманием воинского долга перед королем, который мемуарист и его кузина считали первостепенным. Об этом свидетельствует еще одна отсылка к трагедии «Гораций» в письме госпоже де Севинье от 26 июня 1655 года, составленном после того, как Бюсси отбыл в армию для участия во Фландрской кампании. В нем маркиза уверяет, что будет достойна своего кузена и сможет противостоять печали в надежде увидеть его во главе самого лучшего воинского соединения: «Вот чувства, которые я хочу продемонстрировать. Возможно, некоторые дамы найдут в этом что-то римское и возблагодарят богов за то, что не родились римлянками, ...“чтоб сохранить еще хоть что-то человеческое (Pour conserver encore quelque chose d’humain)”. Но на это я могу им ответить, что не такая уж я бесчеловечная и что со всей моей храбростью я не перестаю страстно желать, чтобы Ваше возвращение было счастливым» (I, 419). Приведенная внутри письма цитата представляет собой последнюю строчку реплики Куриация все в том же диалоге с Горацием по поводу предстоящей схватки за первенство на Апеннинском полуострове (д. II, явл. 3):

Мне дружбы нашей жаль, хоть радует награда.
А если большего величья Риму надо,
То я не римлянин, и потому во мне
Все человеческое угасло не вполне [18, с. 328]³.

Пояснения маркизы де Севинье и приведенный выше фрагмент из письма Бюсси показывают, что отраженный в классицистической трагедии исход конфликта между долгом и чувством осознавался во второй половине XVII века как нормативная модель, которая в реальной поведенческой практике все же заметно нивелировалась и уравнивалась значимостью понятий, связанных со сферой частной жизни.

Переписка мемуариста и его кузины в период Фландрской военной кампании позволяет увидеть еще одну отсылку к Корнелю. Бюсси называет свою возлюбленную маркизу де Монгла именем Химены, героини знаменитой трагедии «Сид» (1637), возможно, имея в виду силу и вместе с тем запретный характер чувства замужней женщины. Последняя, четвертая, аллюзия

³Курсивом выделена цитата — С.П.

к творчеству французского драматурга появляется в ходе рассказа о намерениях графа создать историю царствования Людовика XIV. Работу над рукописью он начал в период тюремного заключения и ее первые страницы отправил королю для прочтения. Мемуарист уточняет, что замысел подобного сочинения возник у него еще до начала гонений, а потому его поступок носил достойный характер и должен был смягчить сердце монарха. Но реакция Людовика XIV оказалась противоположной: он принял вынужденную отставку графа и не освободил его из Бастилии. Такой поворот в своей судьбе мемуарист предваряет стихотворной строчкой, которая в сноске издателя Л. Лаланна определяется как пародия, отсылающая к трагедии Корнеля “Цинна” (1640): “Я щедро одарил тебя несчастьями, я хочу тебя ими отягчить”. (“Je t’ai comblé de maux, je t’en veux accabler”; II, 257). По всей видимости, речь идет о словах Августа о Риме (д. IV, явл. 4):

Так не томись, о Рим, о вольности тоскуя,
Я в цепи вверг тебя — и сам их разобью я.
Свободу, от тебя отторгнутую злом,
Я возвращу тебе, но добрым лишь путем [19, с. 426].

Через эту пародийную аллюзию, отсылающую ко всему процитированному отрывку и смысловому послылу трагедии в целом, мемуарист посредством одной строки противопоставляет милосердие римского императора (“Я в цепи вверг тебя — и сам их разобью я”) жестокости французского короля (“Я щедро одарил тебя несчастьями, я хочу тебя ими отягчить”).

Источником для цитирования становятся и другие поэты XVII века. Л. Лаланн определяет как прямую цитату из стихотворения “Храм смерти” (“Temple de la mort”) Филиппа Абера (Philippe Nabert, 1604–1637), поэта и одного из первых членов Французской академии, строки, приведенные Бюсси в письме к маркизе де Севинье от 3 июля 1655 года: “Здесь я позволяю тебе, слишком верная память, / Скрыть от моих чувств апогей моей славы” (“Ici je te permets, trop fidèle mémoire, / De cacher à mes sens le comble de ma gloire”; I, 417). Этим двустилием мемуарист передает смысл произошедшего между ним и маркизой де Монгла накануне его отъезда из Парижа, когда влюбленные обменялись друг с другом клятвами верности и Бюсси получил уверения в вечной любви, почувствовав себя на вершине счастья. Из популярных в аристократических салонах поэтов в мемуарах встречается отсылка к Венсану Вуатюру (Vincent Voiture, 1597–1648). Госпожа де Севинье выражает желание получить от графа письмо

в духе стихотворных посланий Вуатюра и использует для его номинации эпоним (“une voiture”; I, 427), по всей видимости, имевший хождение в галантном обществе. Издатель мемуаров указывает на источник еще одной цитаты — четверостишия, с помощью которого Бюсси как бы резюмирует свои размышления о любовном чувстве, сопровождающие эпизод его юношеского увлечения некоей молодой вдовой. С позиции времени мемуарист оценивает свое чувство как неподлинное, отличное от “настоящей страсти”, и заключает: «Есть те, кто долго ее не находит, есть те, кто не находит ее вовсе, что касается меня, то в это время я ее еще искал: “Напрасно в то время я обожал Сильви, / Каждый платит две дани — свободе и любви; / Но срок платежа находится в руках судьбы, / И у любви свое время, так же как у смерти” (“En vain j’étais alors adoré de Silvie, / Chacun doit deux tributs, sa franchise et sa vie; / Mais le temps de payer est dans la main du sort, / Et l’amour a son heure aussi bien que la mort”)» (I, 38).

Л. Лаланн полагает, что, по меньшей мере, последняя строчка этого четверостишия восходит к госпоже де Вильдье (Marie-Catherine de Villedieu, 1640–1683), творчество которой отличала “чрезвычайно широкая жанровая палитра и чуткая реакция на веления литературной моды” [20, с. 176]. Цитата является вариацией известной в кругу современников Бюсси поэтической строки писательницы: “И у нежности свое время, так же как у смерти” (“Et tendresse a son heure aussi bien que la mort”; I, 38). Само стихотворение было включено в ее популярное произведение “Клеоника, или Галантный роман” (1669), получившее широкую известность во второй половине XVII века. О влиянии на мемуариста галантной литературы эпохи, в том числе ее романной составляющей, говорит не только переключка с творчеством госпожи де Вильдье, но и Мадлены де Скюдери (Madeleine de Scudéry, 1607–1701). Мемуарист использует имя Орондат (I, 321), заимствованное из романа “Артамен, или Великий Кир” (1649–1653), в качестве прозвища маркиза де Виллара.

В мемуарах графа можно обнаружить и неявные отсылки. В числе таковых оценка поведения принца де Конде, изменившего свое отношение к графу после появления нового фаворита. Свои размышления об этом Бюсси завершает обобщающей характеристикой отношения особ королевской крови к подданным: “Вот каков образ действий принцев, и особенно во Франции, где они прекрасно знают, что после тысячи неприятностей, которые они причинили дворянину, малейшая их ласка заставит его вернуться и забыть прошлое” (I, 181). Согласимся с Л. Лаланном, что

эта характеристика перекликается со словами Созия из комедии Мольера “Амфитрион” (1668, д. I, явл. 1):

Над нами властвуют они
Одним лишь видом, словно так и надо!
И мы, от одного их ласкового взгляда,
Готовы вновь влачить в постыдном рабстве дни
[21, с. 179].

Самая развернутая реминисценция возникает в мемуарах при описании скудного ужина с последующей проблематичной ночевкой зимним вечером 1640 года, когда еще молодой Бюсси в компании со своей возлюбленной оказался в доме ее родственников. Французский исследователь Ф. Мертенс указывает на солидную традицию интерпретации мотива плохого угощения, представленную в литературе XVII века и уходящую корнями в Античность [8, р. 69–70]. Первоисточником вновь служит творчество Горация, а именно VIII сатира второй книги, связанная с описанием неудачного и одновременно комичного ужина, когда скаредный хозяин подавал гостям сомнительные блюда, а в середине трапезы прямо на стол рухнул балдахин [22, с. 314–317]. Этот мотив, включенный в схожий по смыслу “нарративный эпизод в виде бытовой зарисовки” [23, с. 11], получил развитие в X сатире Матюрена Ренье (Mathurin Reignier, 1573–1613) “Смехотворный ужин” (“Le souper ridicule”) и III сатире Николя Буало (Nicolas Boileau-Despréaux, 1636–1711) “Смехотворный обед” (“Le repas ridicule”). Оба поэта комически обыгрывают поданные угощения, воздействие которых на пищеварение Буало подытоживает с задорно-язвительной прямоотой: “Je sors de chez un fat, qui pour m’empoisonner, / Je pense, exprès chez lui, m’a forcé de dîner (Я выхожу от фата, который, чтобы меня отравить, / Я думаю, нарочно заставил меня у себя отужинать)” [24, р. 22].

Веселый характер неудачного застолья передается не только через описание яств и напитков, над которыми потешались гости, но и посредством комического эпизода, схожего с падением балдахина в сатире Горация. У Ренье, яркого представителя французской бурлескной поэзии, такую функцию выполняет фрикасе, опрокинутое неловким слугой прямо на героя стихотворения, сумевшего, однако, посмеяться над этой оплошностью: “Je tourne en raillerie un si facheux mystère: / De sorte que monsieur m’obligea de s’en taire (Я обращаю в шутку столь неприятную мистерию: / Так, что господин заставил меня замолчать)” [25, р. 89].

Бюсси-Рабютен также описывает скудный ужин, ставший частью негостеприимного приема. Он и его спутники оказались в холодном помещении, долго ожидали, когда слуги растопят подмокшими дровами камин, чуть не промочили ноги от растаявшего в помещении снега, надышались дымом, замерзли, устали от сидения на жестких стульях и в довершение всех неприятностей остались голодными: “Ужин был столь же скверным, как и огонь в камине: суп состоял из одной кипяченой воды, все, что было подано из мяса, уже не было живым, когда мы приехали, хлеб был сырой и непропеченный, вино кислым и мутным, столовое белье было не только влажным, но и мокрым, и жар от супа поднимал со скатерти испарения” (I, 72). Чтобы хоть как-то поднять настроение, приятель графа, протестант по вероисповеданию, переоделся странствующим монахом-августинцем и в таком обличье некоторое время беседовал с дамами о попавшихся ему по дороге дурных жилищах. Бюсси, осведомленной о подвохе, искренне забавлялся над наивной доверчивостью женщин, а после разоблачения псевдомонаха уже и остальные гости получили подходящий предлог вдоволь посмеяться над тем обхождением, жертвами которого стали. Этот комический эпизод, как и в других литературных вариациях анализируемого мотива, придал тягостному ужину веселое наполнение.

История с пребыванием компании Бюсси в негостеприимном доме вызывает аллюзии не только с мотивом дурной и забавной трапезы, но и неудачного ночлега. Эти близкие по смыслу мотивы нередко разрабатывались совместно. В этом плане источником для мемуариста могла стать XI сатира Ренье “Дурной ночлег” (“Mauvais logement”) и творчество еще одного представителя бурлескной поэзии Марка-Антуана Жирара де Сент-Амана (Marc-Antoine Girard, sieur de Saint-Amant, 1594–1661). Речь идет, в частности, о его стихотворениях “Дурной ночлег” (“Mauvais logement”), “Попойка” (“La Crevaille”) и особенно “Кутилы” (“Les Goinfres”), объединяющем оба мотива:

Лежать в разгар зимы втроем в одной постели,
Поставленной в чулан, где ни огня, ни свеч <...>
Забуть, когда и где в последний раз мы ели,
Для изголовия полено приберечь,
<...> и думать, что никак
Не может рваный плащ сравниться с одеялом
[26, р. 652–653].

Описание дурного ночлега прочно вошло в традицию бурлескной литературы XVII века, о чем можно судить, помимо поэзии Сент-Амана и Ренье, по творчеству Поля Скаррона (Paul Scarron,

1610–1660). Анализируемый мотив отразился в нескольких главах “Комического романа” (1649–1657), так или иначе связанных с неудобствами во время сна и разного рода забавно-сатирическими приключениями. Вслед за Ф. Мертенсом укажем в этой связи главу 6 первой части (“Приключение с ночным горшком; *скверная ночь* [курсив здесь и далее наш – С.Л.], которую Ранкюн провел в трактире; прибытие части трупы; смерть Догена и другие достопамятные вещи”), главы 2 (“О сапогах”) и 20 (“Каким образом *был прерван сон Раготена*”) второй части, главу 4 третьей части (“Отъезд Леандра; комическая труппа отправляется в Алансон; несчастье с Раготеном” [см.: 27, с. 77–83; 264–269; 438–440; 464–472]). Рассказ о ночевке Бюсси и его приятеля явно создавался под влиянием этой традиции. Он предваряется замечанием, касающимся комнаты их дамы. Грязь и обветшалость увиденного вынудили мемуариста отказаться от описания и ограничиться иронической характеристикой “дворец”, использованной для усиления контраста с помещением, предназначенным для мужчин: “В том месте, где нас разместили, делали бочки, и мы спали в постели бочара. Когда наши головы оказались на изголовье, одеяло дотянулось только до колен <...> По правде говоря, утром мы почувствовали себя еще более уставшими, чем если бы всю ночь быстро ехали” (I, 74–75). Мемуарист констатирует детали, маркирующие неудобство: зима, голодный желудок, совместный ночлег, изголовье, невозможность хорошенько укрыться, бессонница. В результате создается ироничная и вместе с тем грустная картина непростой участи путников, вынужденных провести ночь в чужом доме.

Литературный контекст, отраженный в мемуарах Бюсси, не ограничивается цитатами и литературными аллюзиями. Включенные в его произведение письма позволяют увидеть, что граф был знаком с литераторами и довольно тесно общался с некоторыми из них. Прежде всего речь идет о его родственных отношениях с маркизой де Севинье и дружбе с известным покровителем французских сочинителей герцогом де Сент-Эньяном. Однако в мемуарном повествовании отразились их человеческие взаимоотношения, а не литературные интересы и занятия. Из французских сочинителей второй половины XVII века мемуарист упоминает Жана Шаплена (Jean Chapelain, 1595–1674) в письме к госпоже де Севинье от 30 июля 1654 года, где она передает похвалы поэта в адрес графа (I, 378), сообщает о контактах с Мариньи, приводит письмо Менадьера. Имя Жака-Карпантье де Мариньи (Jacques Carpentier de Marigny, 1615–1670), знаменитого памфлетиста

и сатирического поэта эпохи Фронды, возникает в связи с историей о попытке покушения на принца де Конде в 1649 году. Бюсси сообщает, что узнал эту новость именно от Мариньи и вскоре отправил ему стихотворение, сочиненное совместно с одним из друзей. Посредством этой веселой баллады, приведенной в тексте целиком, авторы советовали сатирику “совсем не приезжать в Париж, как он собирался сделать, потому что, изрядно прославившись своими многочисленными сочинениями против двора и четырьмя столь знаменитыми балладами против Мазарини, он мог опасаться, что ему отомстят” (I, 193). Следом за этим комментарием приводится еще одно шутовское четверостишие в духе центурий Нострадамуса, также адресованное Мариньи. Эти дружеские послания говорят о симпатии к человеку, выступавшему против политики двора и особенно кардинала на начальном этапе Фронды. В то время граф и сам служил в армии принца де Конде, одного из главных противников Мазарини. Этот факт он не замалчивает, оценивает как кратковременную, но быстро исправленную ошибку, что позволяет ему открыто говорить об общении с поэтом. Их контакты, скорее всего, были обусловлены не только близостью политической позиции, но и особенностями литературного таланта, отличавшегося сатирическим мастерством. Отметим также, что приведенная выше краткая характеристика куплетов Мариньи не являлась для мемуариста самоцелью, а возникла как бы попутно в виде параллели к истории покушения на принца де Конде.

Похожим образом в мемуарах появляется и оценка творчества Ипполита-Жюля Пиле де ла Менадьера (Hippolyte-Jules Pilet de La Mesnardière, 1610–1663), поэта и члена Французской академии, к тому же занимавшего должность королевского чтеца. Бюсси обращается к нему с письмом, надеясь найти поддержку среди особ, приближенных к Людовику XIV. Ответное послание от 12 ноября 1661 года, наполненное комплиментами в свой адрес, в том числе касающимися писательских способностей, он приводит целиком, а затем дает оценку литературным талантам самого Менадьера: “Этот человек был *виртуозом* [курсив Бюсси – С.Л.], который очень хорошо писал во всех манерах и оставил сочинения серьезные и галантные, достойные большого уважения” (II, 118). Хотя мемуарист, как и в случае с Мариньи, не ставит перед собой задачи охарактеризовать писательские дарования Менадьера, но важно, что он воспринимает их обоим именно в качестве сочинителей и пользуется возможностью для того, чтобы напомнить об этом.

Таким образом, мемуары Бюсси-Рабютена позволяют выявить основные источники использованных им цитат и аллюзий. Это римская литература, средневековые сказочные сюжеты, драматургия, поэзия и романная проза XVII века, составлявшие значимый для образованного аристократа эпохи культурный фундамент. Античные отсылки дают возможность мемуаристу вписать конкретные автобиографические ситуации в ряд общечеловеческих и придать им столь важный для французской литературы раннего Нового времени обобщенно-дидактический смысл. Немногочисленные сказочные образы оказываются связаны с любовными приключениями героя мемуаров и выполняют функцию облагораживания изображаемого, значимую для галантной культуры. Наконец, современный автору литературный контекст, присутствующий в виде отсылок к героической трагедии, комедии, поэзии и романам, служит источником для цитаций, аллюзий, реминисценций, которые помогают ему передать собственные эмоции и оценочные суждения. С учетом тесных контактов Бюсси с представителями изящной словесности это позволяет сделать вывод о влиянии на его творчество разнообразных художественных тенденций, но главным образом, трех важнейших составляющих литературного процесса XVII века: классицистического театра, галантной и бурлескной литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Vincent, D.-H.* Introduction // Bussy-Rabutin R. Mémoires. Paris: Mercure de France, 2010. P. 7–24.
2. *Viala, A.* La France galante. Essai historique sur une catégorie culturelle, de ses origines jusqu'à la Révolution. Paris: Presses Universitaires de France, 2008. 540 p.
3. *Кожанова Т.О.* Бессмертный шедевр великого неудачника // Бюсси-Рабютен. Любовная история галлов. М.: Ладомир, Наука, 2010. С. 187–244. [Kozhanova, T.O. [The Immortal Chef-d'Oeuvre of the Great Flopper]. Bussy-Rabuten. *Ljubovnaja istorija gallov* [Histoire Amoureuse des Gaules]. Moscow, Ladomir, Nauka Publ., 2010. P. 187–244.]
4. *Bussy-Rabutin, R.* Discours du Comte de Bussy Rabutin à ses enfants, sur les divers événements de sa vie et le bon usage des adversités. Paris: J. Anisson, 1694. 364 p.
5. *Алташина В.Д.* Поэзия и правда мемуаров (Франция, XVII–XVIII вв.). СПб., Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 173 с. [Altashina, V.D. *Pojezija i pravda memuarov (Francija, XVII–XVIII vv.)* [The Prose and Poetry of the Memoirs (France, XVII–XVIII Cent.)]. St. Petersburg, 2005. 173 p.]
6. *Bussy-Rabutin, R.* Les mémoires de messir Roger de Rabutin, Comte de Bussy, lieutenant général des armées du roy et mestre de camp général de la cavalerie légère. Paris: J. Anisson, 1696. 2 vol.
7. *Bussy-Rabutin, R.* Mémoires de Roger de Rabutin, comte de Bussy. Nouv. éd. par L. Lalanne. Paris: Charpentier, 1857. 2 vol.
8. *Mertens, F.A.* Bussy-Rabutin mémorialiste et épistolier. Louvain-La-Neuve, Cabay, 1984. 262 p.
9. *Lalanne, L.* Notice. Bussy-Rabutin, R. Mémoires de Roger de Rabutin, comte de Bussy. Paris: Charpentier, 1857. P. V–XXXVI.
10. *Гораций.* К римскому юношеству / Пер. А.П. Семенова-Тян-Шанского // Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Художественная литература, 1970. С. 128–129. [Horace. [Against the Degeneracy of the Roman Youth]. Horace. *Ody. Jepody. Satiry. Poslanija* [Odes. Epodes. Satires. Epistles]. Moscow, 1970. P. 128–129.]
11. *Вергилий.* Энеида / Пер. С.А. Ошерова под ред. Ф.А. Петровского // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Художественная литература, 1971. С. 123–369. [Virgil. [Aeneid]. Virgil. *Bukoliki. Georgiki. Jeneida* [Bucolics. Georgics. Aeneid]. Moscow, 1971. P. 123–369.]
12. *Петроний.* Сатирикон / Пер. Б.И. Ярхо. М.: Советское советско-западногерманское издательское предприятие “Вся Москва”, 1990. 240 с. [Petronius. *Satirikon* [Satyricon]. Moscow, 1990. 240 p.]
13. *Vincent, D.-H.* Notes // Bussy-Rabutin, R. Mémoires. Paris: Mercure de France, 2010. P. 343–352.
14. *Овидий.* Метаморфозы / Пер. С.В. Шервинского // Овидий. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. М.: Художественная литература, 1983. С. 99–434. [Ovid. [Meramorphoses]. Ovid. *Ljubovnye jelegii. Metamorfozy. Skorbnye jelegii* [Amores. Metamorphoses. Tristia]. Moscow, 1983. P. 99–434.]
15. *Chatelain, M.-C.* Bussy-Rabutin et la figure galante d'Ovide: modèle, parallèle, identification personnelle // Littératures classiques. 2012. № 77. P. 17–32.
16. *Голубков А.В.* Французские и русские Мелюзини: средневековый сюжет во Франции и России в Новое время // Франция и Россия: век XVII. Нижний Новгород: Радонеж, 2016. С. 263–275. [Golubkov, A.V. [French and Russian Melusines: a Medieval Plot in France and Russia in Modern Period]. *Francija i Rossija: vek XVII* [France and Russia: XVII Century]. N. Novgorod, 2016. P. 263–275.]
17. *Гримм Я., Гримм В.* Сказка о том, кто ходил страху учиться / Пер. Г. Петникова // Гримм Я., Гримм В. Сказки. М.: Правда, 1989. С. 17–26. [Grimm, J., Grimm, W. [The Story of the Youth Who Went Forth to Learn What Fear Was]. Grimm, J., Grimm, W. *Skazki*. [Fairy Tales]. Moscow, 1989. P. 17–26.]
18. *Корнель П.* Гораций / Пер. Н. Рыковой // Корнель П. Театр: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1984.

- С. 307–377. [Corneille, P. [Horace]. Corneille, P. *Teatr: V 2 t. T. 1* [Theatre. In 2 Vols. V. 1.]. Moscow, 1984. P. 307–377.]
19. Корнель П. Цинна / Пер. Вс. Рождественского // Корнель П. Театр: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1984. С. 378–448. [Corneille, P. [Cinna]. Corneille, P. *Teatr: V 2 t. T. 1* [Theatre. In 2 Vols. V. 1.]. Moscow, 1984. P. 378–448.]
20. Чекалов К.А. Формирование массовой литературы во Франции: XVII – первая треть XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 247 с. [Chekalov, K.A. *Formirovanie massovoj literatury vo Francii: XVII – pervaja tret' XVIII veka* [The Development of Mass Literature in France: XVII – Early XVIII Century]. Moscow, 2008. 247 p.]
21. Мольер Ж.-Б. Амфитрион / Пер. В. Брюсова // Мольер Ж.-Б. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1957. С. 167–248. [Molière, J.-B. [Amphitryon]. Molière, J.-B. *Sobr. soch.: V 2 t. T. 2* [Collected Works in 2 Vols. V. 2]. Moscow, 1957. P. 167–248.]
22. Гораций. “Что? Хорош ли был ужин...” / Пер. М. Дмитриева // Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Художественная литература, 1970. С. 314–317. [Horace. [What? Did You Have a Nice Supper?]. Horace. *Ody. Jepody. Satiry. Poslanija* [Odes. Epodes. Satires. Epistles]. Moscow, 1970. P. 314–317.]
23. Ермоленко Г.Н. Французская комическая поэма XVII–XVIII вв.: К проблеме специфики гипертекстового нарратива. Автореферат дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 34 с. [Yermolenko, G.N. *Francuzskaja komicheskaja poema XVII–XVIII vv.: K probleme specifiky gipertekstovogo narrativa. Avtoreferat diss. ...* [French Comic Poem of the XVII–XVIII Cent.: Characteristics of Hypertextual Narrative. Dr. of Philology Thesis Abstract]. Moscow, 1998. 34 p.]
24. Boileau, N. Satire III. Le repas ridicule // Boileau, N. *Œuvres poétiques*. Paris: J. Delalain, 1847. P. 21–31.
25. Régnier, M. Satire X. Le souper ridicule // Régnier, M. *Œuvres choisies*. Paris: V. Masson, 1836. P. 89–94.
26. Сент-Аман А. Кутилы / Пер. М. Кудинова // Европейская поэзия XVII века. М.: Художественная литература, 1977. С. 652–653. [Saint-Amant, A. [Les Goinfres]. *Evropejskaja poezija XVII veka* [XVII-century European Poetry]. Moscow, 1977. P. 652–653.]
27. Скаррон П. Комический роман / Пер. Н. Кравцова. М.: Л.: Academia, 1934. 650 с. [Scarron, P. *Komicheskij roman* [The Comic Romance]. Moscow, Leningrad, 1934. 650 с.]